

Любовь Подарок

Читайте в серии «Любовь в подарок»:

Мария Воронова «Апельсиновый сок»

**Мария Воронова «Любовь в режиме
ожидания»**

Татьяна Алюшина «Белоснежный
роман»

Татьяна Алюшина «Будьте моей семьей»

Татьяна Алюшина «Счастье любит
тишину»

Сара Джио «Ежевичная зима»

Сара Джио «Фиалки в марте»

Татьяна Корсакова «Снежить»

Татьяна Корсакова «Старинный
орнамент везения»

Вера Колочкова «Давай придумаем
любовь»

Вера Колочкова «Зимняя рябина»

Елена Ронина «Завтра были письма»

Татьяна Тронина «Странная пара»

Эмили Стоун «Всегда в декабре»

МАРИЯ ВОРОНОВА

ЛЮБОВЬ
В РЕЖИМЕ
ОЖИДАНИЯ

МОСКВА
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Иллюстрация на обложке *Катерины Килянця*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© AngieYeoh / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Воронова, Мария Владимировна.
В75 *Любовь в режиме ожидания / Мария Воро-*
нова. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-191188-1

Врач-реаниматолог Лада со студенческой скамьи влюблена в Валентина Сумарокова, но он, ныне успешный бизнесмен, словно бы не замечает ее чувства. После смерти жены он один воспитывает дочь Аню. Лада — его верный друг и помощник, но и только... Аня оканчивает школу, и Лада замечает, что Сумароков заглядывается на подругу дочери — умницу и красавицу Катю. А за Ладой ухаживает Олег, водитель Сумарокова. Найдет ли она в себе силы отказаться от «любви в режиме ожидания» и начать новую жизнь с влюбленным в нее мужчиной?

УДК 821.111-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М.В. Виноградова, текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство

ISBN 978-5-04-191188-1 «Эксмо», 2023

Часть первая

Глава 1

К вечеру пошел снег, но не потеплело. По радио сказали, что холод приполз из Скандинавии и продержится еще как минимум двое суток.

Выскочив из промерзшей маршрутки с ободранными сиденьями, Лада поглядела по сторонам и перебежала скользкую проезжую часть наискосок — прямо к дому.

В подъезде энергично потопала ногами, стала отряхивать снег с капюшона.

— Здравствуйте, Лада Николаевна! — Пожилой консьерж с военной выправкой знал по имени-отчеству всех жильцов, их родственников и даже гостей. — Вам щетку дать?

Она улыбнулась, помотала головой.

В зеркальном лифте придиричиво взгляделась в свое отражение. Нос, понятное дело, красный — стащив перчатку, она потерла его ладонью, поправила некрасиво повисшую прядь волос. Увы, финский пуховик, купленный всего-то год назад, в этом шикарном лифте тоже смотрелся неважно... Сюда надо надеть шубу! Норковую!

Еще недавно о норковой шубе и речи не шло. Лада работала реаниматологом в обычной городской больнице. Она работала хорошо, ее любили и пациенты, и сотрудники, но к покупке шубы это отношения не имело.

А полгода назад она получила предложение из клиники эстетической медицины «Клеопатра». И не просто предложение, а «с отличными перспективами», как выразился хозяин «Клеопатры» знаменитый пластический хирург Яков Розенберг.

Это, конечно, была игра случая. Прошлой весной Розенберг в качестве пациента угодил в больницу, где Лада работала. А потом от него поступило это самое предложение. Сохранив за собой полставки дежурного реаниматолога — «для души», — Лада согласилась. Ей давно хотелось перемен в жизни. Правда, мечтала она о других переменах...

Звякнул электронный сигнал, двери лифта бесшумно открылись.

Аня стояла на пороге квартиры.

— Ладочка! Как ты добралась? Почему отказалась от машины? Ты же, наверное, ужасно замерзла? — затараторила она, помогая Ладе снять пуховик.

Потом в зеркале холла отразилась высокая полная женщина, обнимающая девочку-подростка. Девочке лет четырнадцать, женщине... тридцать с хвостиком. А то и с длинным хвостом.

— Аня, дай же пройти! — Сев на низкий пуф, Лада нагнулась и принялась стаскивать сапоги. Оставшись в одних чулках, активно задвигала пальцами ног. — Знаешь, какой мороз на улице?

Быстрым движением она сунула холодную руку Ане под кофточку. Девочка с визгом и смехом отскочила.

— Так почему же ты от машины отказалась? — переспросила она, оставаясь на безопасном расстоянии.

Лада подмигнула:

— Мы, люди дела, не можем располагать собой. Я же не знала, когда освобожусь. Да ладно, тут на маршрутке двадцать минут. Правда, наши маршрутки — это что-то!.. Ничего, вот куплю машину, буду приезжать к тебе сама, как королева.

— Ты бы сначала хоть на курсы водительские пошла!

Лада привычным жестом вынула из ящика красивые кожаные сабо и вздохнула:

— Когда мне? Я после работы учусь, только сегодня выходной выдался. Я ведь теперь и.о. зав-клиникой.

— Кто-кто? — Аня не поняла и засмеялась.

— Исполняющий обязанности заведующего. — Лада тоже засмеялась. — Ну, чем займемся? Хочешь, проверю твой дневник?

— Давай, а то надоело уже папину подпись подделывать. Заодно поможешь мне с заданием по химии.

Закончив со школьной премудростью, обе перешли из Аниной комнаты в гостиную.

Гостиная Сумароковых представляла собой просторное помещение с белыми стенами, кожаными диванами, большим обеденным столом и обязательной горкой, набитой антикварной посудой. Хозяин дома давно жил без жены, но в гостиной не было ни лосиных голов, ни холодного оружия, ни коллекции спортивных наград. Главной достопримечательностью здесь был настоящий камин, как в английском фильме: с решеткой, экраном и специальными креслами, сидя в которых так приятно смотреть на огонь! На мраморной каминной полке стояло множество фотографий Ани, Валентина и его покойной жены.

Несколько лет назад Сумароков выстроил коттедж под Сертоловом, и знакомые посоветовали ему каминного мастера. Валентин остался настолько доволен его работой, что пожелал иметь камин и в городской квартире.хлопот было много, но мастер не подвел, справился.

Лада села в кресло и протянула руки к огню.

— Будем ужинать? — Аня подошла сзади и обняла ее за плечи.

— А папа?

— Сказал, чтобы мы его не ждали.

— А! — Лада так и не поняла, удалось ли ей скрыть разочарование. — Ну что ж, давай.

Аня не позволила Ладе участвовать в хозяйственных хлопотах, зато приготовила для нее кампари

с апельсиновым соком. Но сидеть в гостинной и прихлебывать аристократическое пойло было скучно. Взяв стакан, Лада вслед за Аней отправилась в большую, напичканную современной техникой кухню, села за стол и стала наблюдать, как девочка ловко разогревает котлеты и режет овощи для салата.

Аня вдруг отложила вилку и тяжело вздохнула.

— Ты что, Анюта?

— Слушай, я хотела тебя спросить... Есть один мальчик...

Лада улыбнулась:

— Ну-ка, ну-ка, расскажи!

— Да нет, это другое. Я его в больнице видела...

Лада тут же перебила ее:

— Если бы ты знала, как мне не нравятся эти твои посещения больницы! О чем только думает твой отец! Обязательно нужно помогать туберкулезным больным, будто других нет!

— А кому хуже, чем им? Сама знаешь.

Лада вздохнула. Конечно, она знала. Как и в девятнадцатом веке, в двадцать первом туберкулезом болеют самые бедные... В годы перестройки заболеваемость резко возросла, заговорили даже об эпидемии. Государство отреагировало как обычно — приняв символические меры, но зато распиарив их на полную катушку. Ну а после громких деклараций как-то неудобно говорить, что эпидемия продолжается. Поэтому сделали вид, будто туберкулеза

больше нет, что понятно как отразилось на финансировании...

Год назад Аня поехала в туберкулезную больницу навестить одноклассницу, попавшую туда на обследование. Нищета, которая царила в детском отделении, ужаснула впечатлительную девочку. В тот же вечер она уговорила отца, который уже всерьез задумывался о шефстве над тяжелобольными, помочь отделению. Валентин согласился ежемесячно перечислять больнице определенную сумму. Но этого Ане показалось мало, она захотела сама общаться с больными детьми, узнавать обо всех их нуждах и облегчать по возможности их участь. Никакие запреты на нее не действовали — эта девочка умела проявлять железную волю.

За год отделение изменилось до неузнаваемости: на деньги Сумарокова сделали ремонт, закупили современное медицинское оборудование и кровати. Аня посещала больницу каждую неделю, и Лада теперь иногда просыпалась по ночам в тревоге за нее. С точки зрения медицины это был неоправданный страх, прививка и здоровый образ жизни должны были защитить Аню от заражения, но Лада боялась за нее, как простая обывательница.

— Агриппина Максимовна говорит, что этот мальчик умрет. Лада, ты не представляешь, как мне его жалко!

— Ох, Анечка, если бы ты знала, сколько народу я проводила на тот свет и как мне всех их было

жаль... Но есть вещи, которые мы не можем изменить. Знаешь, какая первая заповедь врача? Нельзя умирать с каждым больным.

— Но твои больные были, наверное, старые, а это ребенок! — запальчиво возразила Аня. — Может, ты знаешь какого-нибудь доктора?

— Агриппина Максимовна очень хороший врач. Я уверена, она использовала все возможности. И проконсультировалась со всеми специалистами. Ты хочешь обидеть ее, пригласив доктора со стороны?

— Я хочу, чтобы он поправился, больше ничего! А она, между прочим, сказала, что будет рада любой помощи. Лада, ты же знаешь всех самых лучших врачей!

Аня вскочила приготовить чай. Открыв дверцу навесного шкафа, она среди множества пачек безошибочно выбрала любимый сорт Лады — зеленый с лимоном. Достала пачку и показала Ладе. Та кивнула.

Ее давно перестало удивлять, как Аня, четырнадцатилетняя девчонка, другими словами, человек, пребывающий в самом безмозгом и эгоистичном периоде жизни, запоминает чужие вкусы и пристрастия.

Однажды Лада пришла в этот дом вместе с Розенбергом. Узнав о ее тесной дружбе с Валентином Сумароковым, директор клиники запросился в гости, надеясь нащупать почву для делового сотруд-

ничества. Аня, как всегда, хозяйничала за чайным столом. Розенберг сказал, что чай он пьет «черный, крепкий, с лимоном, две ложки сахара и чуть-чуть не доливать до краев». Вечер прошел в оживленных разговорах, мужчины понравились друг другу, но совместный бизнес так и не затеяли. Однако мысль об этом не оставляла Валентина, и через полгода он сам пригласил Розенберга. Когда перешли к чаю, гость начал было: «Мне, пожалуйста, черный...», но Аня остановила его спокойным: «Да, я помню», — и подала чай именно так, как он любил! Розенберг чуть не подавился и весь оставшийся вечер поглядывал на девочку с опаской.

— Прощу тебя, помоги! — сказала Аня, сев напротив Лады и глядя на нее умоляюще.

— Да чем же я могу помочь? Всех светил в туберкулезе Агриппина знает лучше моего.

— Но Агриппина же старая! Она могла про кого-нибудь забыть!

Лада вдохнула аромат чая, поставила чашку на блюдце, задумалась.

— Знаешь, есть у меня один знакомый... Правда, он не фтизиатр...

— Зачем он тогда?

— Профессор Колдунов — замечательный врач! Он вытащил не одну сотню крайне тяжелых больных, на которых остальные доктора махнули рукой. Его можно смело назвать личным врагом смерти. Если хочешь, давай позвоним ему прямо сейчас.

— Ох, Ладочка, пожалуйста!

Пришлось идти в холл, искать в сумке со-
товый. Аня ждала ее у стационарного аппарата,
подпрыгивая от нетерпения и молитвенно сложив
руки.

Услышав резкое «Алло!», Лада включила гром-
кую связь.

— Ян, ты можешь сейчас разговаривать? —
спросила она.

На другом конце провода помолчали, потом тя-
жело вздохнули:

— Только недолго.

— Тогда перехожу к делу. Только сразу не го-
вори «нет», хорошо?

— Я ж не девушка, чтоб так говорить! Короче,
что надо?

Аня испуганно покосилась на Ладу: разве такой
нелюбезный профессор согласится помочь? Лада
ободряюще похлопала ее по руке.

— Надо больного проконсультировать, — ска-
зала она.

— У-у-у... не знаю... — донеслось из дина-
мика. — Я ж на трех работах, незнамо сколько дома
не был. Он может сам приехать в академию?

Аня вытянула руку перед лицом Лады и энер-
гично потерла пальцами.

— Тебе хорошо заплатят. — Заметив, как Аня
трясет головой, Лада быстро добавила: — Очень
хорошо.

— И привезем вас туда-обратно! — крикнула Аня.

— Да, и транспортом обеспечим. Соглашайся!

— А что за случай-то?

— Ну, не совсем по твоему профилю... — Лада замялась. — Но ты же универсал. Распространенный туберкулез.

В динамике засмеялись:

— Ладушка, ты что, перегрелась на руководящей работе?

— Ян, ты же в Чечне был...

— В Чечне я был, но единственное, чего я там ни разу не видел, — это туберкулеза в последних стадиях. Поэтому моя консультация бессмысленна. А посоветовать, пожалуй, тоже никого не посоветую. Я далек от этой отрасли.

Аня поджала губы, а потом снова потерла пальцами и изобразила в воздухе большой квадрат.

— Целый чемодан денег! — перевела Лада. — Хотим только тебя, все спецы по туберкулезу уже сказали свое веское слово. Ян, ты у нас последняя надежда!

— Если ты думаешь, Лада, что я возьмусь оперировать после того, как отказали фтизиохирурги, так нет. В туберкулезе нужно жизнь прожить, знать его и чувствовать. Там дело не только в объеме поражения, но и в биологических характеристиках туберкулезной палки. Фтизиохирурги знают повадки этого зверя, я — нет.

— Ты тоже у меня когда-нибудь чего-нибудь попросишь... — заняла Лада.

— Подтяжку лица? Силиконовую грудь? Вряд ли. Не канючь, не поеду. Во фтизиатрии работают святые люди. Настоящие святые, без дураков. Пашут за одну зарплату, ибо кто у них основной контингент? Бомжи и зэки. Но фтизиатры спасают их, прекрасно зная, что единственное, чем пациенты их наградят, — это какая-нибудь особо устойчивая форма бациллы Коха. Поэтому их мнению я доверяю безоговорочно.

— Ну пожалуйста...

— Если я явлюсь и начну давать советы по лечению, то только обижу их. А я не хочу обижать людей, которыми восхищаюсь. Если твоим знакомым бабки некуда девать, пусть лучше заплатят лечащему доктору.

Аня всхлипнула. Лада понимала, что Колдунов абсолютно прав, пожалуй, он знает о туберкулезе немногим больше среднего обывателя и его консультация вряд ли будет полезной, но ей вдруг страстно захотелось показать ему ребенка. Может быть, потому, что она пообещала Ане чудо, а визит профессора мог дать хотя бы кратковременную надежду?

— Ян, они уже все перепробовали, — тихо сказала она. — Готовы прислушаться к самой дикой идее, самому маразматическому плану лечения.

— И значит, я самый крупный маразматик в городе, раз ты обратилась именно ко мне? — захо-